

Л. В. Енина

*Уральский федеральный университет
пр. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия*

enina.lidia@gmail.com

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В ДИСКУРСЕ КОМИЧЕСКОГО

Рассматривается взаимодействие политического и комического в российской досуговой журналистике в аспекте фуконианской теории дискурса. Предметом рассмотрения являются персонажи из сферы российской политики: практики их отбора и конструирования, способы включения в дискурс комического. Материалом для исследования послужила программа «Вечерний Ургант». Практики отбора политических персонажей в официально приемлемый дискурс комического обнаруживают основную тенденцию – включение представителей только исполнительной и законодательной власти. Типичные способы включения персонажей в дискурс комического: на правах субъекта дискурса, на правах объекта осмеяния и на правах идеологически маркированного объекта, находящегося вне смехового разоблачения. Субъектами дискурса комического и идеологически маркированными объектами выступают политики федерального масштаба, объектами осмеяния – политики регионального или местного масштаба.

Ключевые слова: дискурс комического, дискурсивные практики, субъект дискурса, объект дискурса, журналистика сферы досуга.

В символической реальности российских масс-медиа сближение или отдаление комического и политического определяется разными факторами, в том числе советскими традициями. Советское наследие взаимодействия политического и комического исследователями оценивается противоположно. Так, В. В. Васильева видит динамику этого взаимодействия в зависимости от потребностей аудитории: в период политического затишья телеаудиторию волнует комическое осмысление бытовых перипетий, как, например, было в программе «Кабачок “13 стульев”», а в период политических баталий – острополитические шутки, как, например, в КВН 60-х [2012. С. 198]. Е. Добренко, напротив, считает, что в советское время сближение комического и политического зависело от насущных государственных задач, что советский смех был *направленным* на идеологически заданные явления

[2013]. Вызывает интерес, присутствует ли в современных российских развлекательных программах политическое, и если да, то каким образом. Из ряда развлекательных программ выделяем те, которые отличаются явной установкой вызвать смех аудитории [Васильева, 2012]. Проблему взаимодействия политического и комического в досуговой журналистике мы рассмотрим в аспекте фуконианской теории дискурса.

Материалом для исследования была выбрана программа «Вечерний Ургант» (далее – «ВУ») по нескольким причинам: во-первых, это популярная программа, имеющая высокий рейтинг среди российских зрителей; во-вторых, она выходит на Первом канале, который можно рассматривать как главный телеканал страны, с 51 % акций в собственности у государства; в-третьих, она является аналогом американского шоу «Late Night Show» и так или иначе соблюдает

Енина Л. В. Российские политические персонажи в дискурсе комического // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 6. С. 114–118.

формат американской развлекательной программы. Эти причины позволяют предположить, что в создаваемой «ВУ» символической реальности присутствуют различные дискурсивные практики репрезентации политического. Выборка материала осуществлялась по типу мониторинга – полный содержательный и количественный анализ программ за недельный период: были записаны и расшифрованы все выпуски с 25 по 29 ноября 2013 г. включительно¹. Также в соответствии с выделенными в мониторинге объектами привлекались к анализу фрагменты программ 2012–2014 гг. методом случайной выборки. Мы рассматриваем выпуски программы «ВУ» как вариант публично приемлемого дискурса комического, который имеет собственные закономерности формирования – дискурсивный порядок [Фуко, 1996].

Несмотря на то, что «ВУ» относится к досуговой журналистике, эта программа имеет точки пересечения с «серьезным» журналистским полем: в качестве опорных жанровых форм выступают журналистские жанры, что подчеркивается рубриками программы: «Новости от Ивана»; «Острый репортаж Аллы Михеевой»; беседа-интервью с гостем программы. Тематическое наполнение «ВУ» содержит обсуждение последних российских и мировых новостей из сфер политики, экономики, киноиндустрии, музыки, технических новинок (гаджетов), социальных сетей и пр. Большинство тем интерпретируется и комментируется с установкой на комический эффект, который достигается с помощью особых речевых жанров и приемов языковой игры.

Для данного исследования мы сужаем политическую тематику и рассматриваем здесь только темы, связанные с конкретными политическими фигурами из российской политики. Российские политики участвуют в программе в качестве приглашенных гостей для центральной беседы с Иваном Ургантом и другими соведущими. Отметим, что гости-политики приглашаются значительно реже других. В анализ включаются не только интервью, но и любые упомина-

ния о конкретных политиках в других сюжетах программы.

Предметом рассмотрения в выделенном дискурсе комического будут персонажи из сферы российской политики: практики их отбора, способы включения в дискурс комического и практики их конструирования. Общие практики конструирования персонажей в СМИ и методика их выявления описаны Э. В. Чепкиной [2000; 2012].

Практики отбора персонажа российской политики в программу «ВУ» прежде всего требуют от него институциональности – он должен быть представителем исполнительной или законодательной власти. В качестве персонажей выступают политики первого ряда: президент, премьер-министр, член правительства или лидер парламентской партии; и политики, условно говоря, второго ряда – региональные или городские: губернатор, мэр, депутат городской думы. Политики, оппозиционно настроенные к власти, в качестве персонажей программы не зафиксированы. Не отмечены и политические персонажи из представителей судебной власти и правоохранительных органов. На наш взгляд, практики отбора политических персонажей подчиняются некоторой логике политического контроля над объектами и субъектами комического. Логика политического контроля не в том смысле, что существует цензура, а в том, что существуют *правила* официального политического дискурса, в соответствии с которыми происходит селекция политических фигур для появления их в качестве персонажей в развлекательной программе.

Персонаж включается в дискурс на правах субъекта, когда приглашенный политик участвует в беседе с ведущими и остроумно или не очень отвечает на их вопросы, рассказывает смешные или не очень случаи из своей семейной и профессиональной жизни. Словом, персонаж наравне с ведущими создает комический дискурс. В качестве субъекта дискурса комического выступают политические персонажи только федерального значения. Эти персонажи конструируются за счет накопления позитивных смыслов, способных вызвать симпатию к персонажу [Автохутдинова, 2011]. Например, вопросы ведущего раскрывают только положительные личные и профессиональные качества собеседника: *Сколько Вы знаете языков? Вы с детства мечтали изучить сингальский*

¹ Запись и расшифровка осуществлена студенткой департамента «Факультет журналистики» УрФУ Валерией Чирновой. Общая протяженность записи составила 3 часа.

язык? Можно ли попросить рассказать о сингальском языке? Персонаж «Сергей Лавров» (ВУ. 24.10.2012) конструируется и с помощью практик самопрезентации: правильная речь, приветствие на разных языках, увлекательный рассказ об истории создания ООН, остроумные замечания и др. Показательна практика конструирования положительного персонажа через указание на поведение, которое нарушает строгие этикетные нормы:

Ургант: *Вы когда-нибудь матерились в присутствии людей, которые по-русски не понимают?*

Лавров: (пауза) *Множественно!*

Оба смеются, смех зрителей. Безусловно, в этих диалогах присутствует определенная доля импровизации², и зритель способен самостоятельно оценить политического персонажа, его остроумие и реакцию на вопросы.

Приведем другой пример: репортаж с Международного экономического форума в Санкт-Петербурге. Алла Михеева, одна из соведущих Ивана Урганта, среди участников видит А. Л. Кудрина, признанного финансового аналитика, бывшего министра финансов РФ, и обращается к нему с просьбой о коротком интервью. Он отказывается, ссылаясь на отсутствие времени, на что Алла Михеева говорит: *Ну тогда пожелайте что-нибудь зрителям Первого канала, и мы вас отпустим. Ну просто воздушный поцелуй!* Кудрин останавливается, смотрит на нее: *Да вы что?!* (ВУ. 25.06.2012).

Здесь смех вызывает неподготовленная живая реакция персонажа на неожиданную просьбу. На глазах зрителя происходит мгновенный сдвиг из «серьезного» дискурса в комический. В подобных случаях конструирование политического персонажа происходит за счет практики провокации, цель которой «дестабилизация эмоционального состояния» собеседника [Иссерс, 2015. С. 149]. Важно, что здесь конструирование персонажа зависит от его ситуативной реакции, и зрительская оценка этого персонажа не может быть задана дискурсивным порядком, разумеется, если мы исключаем телевизионный монтаж, когда неудачные несмешные реплики не идут в эфир. Конструирование персонажа-политика через

практику провокации вносит неопределенность в его оценку, что исключалось в советском публичном дискурсе комического.

Другой способ включения политического персонажа в дискурс комического – представление его в качестве объекта осмеяния. В основном объектами комического становятся политики, которые занимают нижние ступени вертикали власти. Здесь мы видим, что продолжает действовать механизм советской политической сатиры – механизм персонализации, суть которого в том, что осмеянию подвергается не система, но ее второстепенный персонаж: «речь всякий раз идет о характеристиках *конкретного* носителя бюрократического зла, о провинностях героя, но не о системности этих персонажей» [Добренко, 2013. С. 171]. Например, в «ВУ» от 29.11.2013 демонстрировался сюжет о мэре Липецка, М. В. Гулевском, обещавшем в разных интервью липецким журналистам открыть новую трассу, но дата открытия постоянно переносилась из-за неготовности трассы, и мэр каждый раз отказывается от данного ранее обещания. В ответе на вопрос журналиста звучит произвольное саморазоблачение городского политика: *А кто обещал? Я?... Ну че вы пристали с этой дорогой? Ну че вы пристали? Я обещал... кто-то еще обещал... Как сделаем, мы вас пригласим.*

Комментарии ведущих «ВУ» осмеивают политического персонажа как отклонившегося от моральных норм – честности и порядочности: *Михал Владимирович на самом деле честен... Он не называл год ... Он просто готовил сюрприз жителям к четырехсотлетию Липецка ... сейчас городу 310.* Персонаж конструируется как объект осмеяния не по причине своего политического статуса, а по причине демонстрации некоторых низких моральных качеств. Подобные политические персонажи вызывают в рассматриваемом дискурсе комического только «насмешливый смех» [Пропп, 1997. С. 25], а не сатирический, поскольку конструируемый образ не влечет для них каких-либо политических последствий. По нашим наблюдениям, в «мейнстримовых» СМИ сегодня значительно сократилась функция критики конкретных представителей российской власти, и эта критическая функция в редуцированном варианте сместилась в сферу досуговой журналистики.

² Говорим «некоторая», так как программа выходит в записи.

Присутствует в дискурсе и ряд политических персонажей, которые не являются ни субъектом комического, ни объектом смехового разоблачения. Назовем этот способ включения в дискурс – номинальным, или идеологически значимым, присутствием. Появление таких персонажей обеспечивается информационным поводом и отвечает актуальности программы, информация о них не выходит за рамки фактической. Например, в рубрике «Новости от Ивана» появляется персонаж «Президент РФ»: *Вчера Владимир Путин провел несколько важных встреч в Италии, одна из которых состоялась в Ватикане с Папой Римским Франциском. Получается, самый влиятельный человек в мире, по версии журнала «Форбс», [встретился] с самым влиятельным человеком, по версии газеты «Ватиканская правда»* (ВУ. 26.11.2013). Смеховой эффект создается за счет сопоставления персонажей по источникам информации об их влиятельности: авторитетный экономический журнал *Форбс* и несуществующая *Ватиканская правда*, которая демонстрирует отклонение от нормы по отношению к общепринятому достоверному источнику. В данном случае практика конструирования положительного персонажа состоит в том, что отклонение от нормы приписывается тому, кто сопоставлен с идеологически значимым персонажем.

Также в анализируемом дискурсе комического узнаются практики эзопова языка, понимаемого как иносказание с политической подкладкой, суть которого в амбивалентной интерпретации высказывания: присутствует запрещенный политический смысл или не присутствует (см., например: [Вайль, Генис 1996]). Практики эзопова языка возможно приложить и к дискурсивному конструированию персонажа. Так, приглашение Андрея Макаревича и группы «Машина времени» (ВУ. 30.05.2014) связано с 45-летием группы, что и является информационным поводом для программы. Однако появление Андрея Макаревича на Первом канале совпадает с началом публичных требований со стороны части общественности лишить Макаревича звания «Народный артист РФ» и ордена «За заслуги перед Отечеством» из-за того, что он не поддерживает позицию Президента РФ относительно ситуации в Крыму и Восточной Украине, о чем также сообщается в новостях Первого канала. Диалог Ивана Урганта

и Андрея Макаревича не содержит политических тем, но само присутствие такого персонажа порождает для части зрительской аудитории «мерцание» политического смысла: есть или нет здесь политический подтекст? Об открытой политической интерпретации неполитических персонажей в «ВУ» пишет Ирина Петровская: «Эти ургантовские политические штучки именно для тех, кто понимает, для тех, кто в теме и в тренде. Типа, ребята, не требуйте многого, чем могу... А стихи Абая Кунанбаева, прочитанные на языке оригинала, – разве не мужественный поступок? А как бы случайно упомянутый в ходе веселого трепа Удальцов – разве не гражданский подвиг? А фраза “Мы решили помочь Кремлю – Первый канал часто это делает” – разве не крамола?» [Петровская, 2012]. Обнаружение (анти)советских практик эзопова языка в дискурсе комического связано не со смеховым эффектом, а, скорее, с актуальностью этих практик для зрителя.

Практики отбора политических персонажей в официально приемлемый дискурс комического обнаруживают основную тенденцию – включение представителей только исполнительной и законодательной власти. Типичные способы включения персонажей в дискурс комического: на правах субъекта дискурса, на правах объекта осмеяния и на правах идеологически маркированного объекта, находящегося вне смехового разоблачения. Субъектами дискурса комического и идеологически маркированными объектами выступают политики федерального масштаба, объектами осмеяния – политики регионального или местного масштаба. Смех – явление социальное, и в рассмотренном дискурсе он выполняет различительную функцию между своими и чужими, где своими представлены основные политические лица страны, а чужими – некоторые региональные политики.

В конструировании политических персонажей в «ВУ» участвуют разные дискурсивные практики, актуальные и для журналистского дискурса в целом, в том числе (анти)советские практики эзопова языка.

Список литературы

Авдохудинова О. Ф. Практики конструирования Другого как персонажа журналистского дискурса // Изв. Урал. гос. ун-та.

Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 3 (92). С.16–26.

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 368 с.

Васильева В. В. Эволюция юмористических передач на телевидении // Журналистика сферы досуга: Учеб. пособие / Под ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. СПб.: Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2012. С. 196–202.

Добренко Е. Гоголи и Щедрины: уроки «положительной сатиры» // НЛЮ. 2013. № 121. С. 163–191.

Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: ЛЕНАНД, 2015. 275 с.

Петровская И. Ургант-вагонзавод. Политическая сатира на ТВ смеху подобна // Новая газета. 2012. № 57.

Пронн В. А. Проблемы комизма и смеха. СПб.: Алетейя, 1997.

Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 47–96.

Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000. 279 с.

Чепкина Э. В. Практики конструирования поля политики в журналистском дискурсе // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 6: Журналистика. С. 72–78.

Материал поступил в редколлегию 06.02.2015

L. V. Enina

*Ural Federal University
20 Mira Ave., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation*

enina.lidia@gmail.com

RUSSIAN POLITICAL PERSONAGES IN COMICAL DISCOURSE

The interaction of political and comic in Russian mass-media of leisure field in aspect of Foucault discourse theory is under consideration in the article. Subjects to review are the characters from the sphere of Russian politics: the practice of their selection and design, methods of their inclusion in the comical discourse. The program «Evening Urgan» was used as material for the study. Practice of the political characters selection in the officially acceptable comical discourse shows the main trend – participation of only executive and legislative authority's representatives. The typical methods to include the characters in the comical discourse are: as a subject of discourse, as derided object, as an ideologically marked object outside the comical unmasking. The subjects of comical discourse and ideologically marked objects are the federal level politicians; the derided objects are the politicians of regional and local levels.

Keywords: mass-media of leisure field, comical discourse, discourse practices, subject of discourse, object of discourse.